

GENNADY F. KOVALOV (ГЕННАДИЙ Ф. КОВАЛЕВ)

<https://orcid.org/0000-0001-7708-0326>

МАРИНА МНИШЕК: ОБРАЗ ПОЛЬКИ В РУССКОЙ ПОЭЗИИ

MARINA MNISZEK — THE IMAGE OF POLISH WOMAN IN RUSSIAN POETRY

Despite the constant feuds between Poland and Russia, Russian men have always appreciated the beauty of a Polish woman, and they are featured in Russian literature. Therefore, it is not surprising that Alexandr Pushkin turned his attention to a woman who played an ambiguous role in the history of Russia. This woman was Marina Mniszek. Besides the fact that she became one of the main characters of the drama *Boris Godunov*, for the great Russian poet she was a symbol of female beauty, which allows us to learn the letters of the poet. Marina Tsvetaeva was in love with the image of Marina Mniszek. However, she explained this by the fact that she turned out to be the namesake of a famous Polish woman, and even an admixture of Polish blood in her pedigree.

Keywords: Marina Mniszek, Alexandr Puszkin, Marina Tsvetaeva

Несмотря на постоянные распри между Польшей и Россией, русские мужчины всегда ценили красоту польской женщины. Польские актрисы регулярно приглашались сниматься в российских фильмах, в русской литературе тоже отражена красота и характер польских женщин. Нет нужды говорить о том, как много написано в Польше о Марине Мнишек, достаточно хотя бы упомянуть поэмы замечательных польских поэтов Юлиуша Словацкого *Сказочная Марина Мнишек* и Зыгмунта Красиньского *Агай-хан*.

И в русской литературе о ней писали многие поэты. Александр Пушкин одним из первых обратил свое внимание на женщину, которая сыграла столь неоднозначную, даже роковую, роль в истории России. Этой женщиной была Марина Мнишек, четвертая дочь самборского воеводы Ежи Мнишка. Кроме того, что она стала одной из главных героев драмы *Борис Годунов*, она для великого русского поэта была символом женской красоты, о чем позволяют нам узнать откровенные письма поэта.

Пушкин обращал серьезное внимание на Марину Мнишек не только в связи с *Борисом Годуновым*. Его современница Александра О. Смирнова-Россет вспоминала:

Пушкин рассказал мне, что царевна Софья написала либретто для оперы *Русалка*. Он видел портрет ее, сделанный в Голландии, с подписью «Самодержица России». Пушкин смеялся над этим, говоря: «Какая самозванка! Она так же занимает меня, как и Марина Мнишек. Две честолюбивицы с легкими нравами, одна русская, другая — полька; это два типа»¹.

Да и на вопрос, почему он писал не об Иване Грозном, а о Борисе Годунове, Пушкин сознался: «Это личность весьма интересная. К тому же тема давала мне два типа: выскочки и авантюристки; да и Марина очаровала и соблазнила меня»².

Мы склоняемся к мысли, что одним из реальнейших прообразов Татьяны Лариной в романе Пушкина *Евгений Онегин* была Екатерина Николаевна Раевская, ставшая затем женой генерала Орлова. Именно ее многие черты и создали пушкинский образ Татьяны. Поэт постоянно восхищался ее красотой. Он писал Петру А. Вяземскому, сравнивая красоту Марины Мнишек с красотой Раевской, что Марина «и собою преизрядна (вроде Катерины Орловой)» (7 ноября 1825 г.). И в другом письме к нему же (15 сент. 1825 г.): «Моя Марина <Мнишек> славная баба: настоящая Катерина Орлова!»³.

В неотправленном письме Николаю Н. Раевскому (1825 г.) Пушкин писал на французском о *Борисе Годунове*:

Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги. Но, не говоря уж о том, что любовь весьма подходит к романическому и страстному характеру моего авантюриста, я заставил Дмитрия влюбиться в Марину, чтобы лучше оттенить ее необычный характер. У Карамзина он лишь бегло очерчен. Но, конечно, это была странная красавица. У нее была только одна страсть: честолюбие, но до такой степени сильное и бешеное, что трудно себе представить. Посмотрите, как она, вкусив царской власти, опьяненная несбыточной мечтой, отдается одному проходивцу за другим, деля то отвратительное ложе жида, то палатку казака, [и] всегда готовая отдаться [тому] каждому, кто только может дать ей слабую надежду на более уже не существующий трон. Посмотрите, как она смело переносит войну, нищету, позор, в то же время ведет переговоры с польским королем [как равная] как

¹ А. О. Смирнова-Россет, *Записки*, Московский рабочий, Москва 1999, с. 227.

² Там же, с. 262.

³ А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 19 т.*, т. 14: *Переписка А. С. Пушкина за 1828–1831 гг.*, Воскресенье, Москва 1996, с. 483.

коронованная особа с равным себе, и жалко кончает свое столь бурное и необычайное существование. Я уделил ей только одну сцену, но я еще вернусь к ней, если бог продлит мою жизнь. Она волнует меня как страсть. Она ужас до чего полька, как говорила [кузина г-жи Любомирской]⁴.

Историки, как правило, представляют отношения Марины Мнишек и Дмитрия Самозванца как политический театр:

Мы считаем, что Самозванец не любил Марину, а использовал ее как средство для достижения своих материальных и политических целей. Она была геополитической марионеткой католических иерархов и польских сановников для зондирования политической и экономической обстановки в Московии⁵.

Однако Пушкин, как истинный поэт, во главу угла трагедии *Борис Годунов* ставил не политику, даже не историю, а страсть, сжигающую любовную страсть, которая преодолевала межэтнические предрассудки, дипломатические ограничения, даже исторические закономерности или истины. Поэтому Пушкин строит сюжет не столько на истории государств или государственных интересов, сколько, вопреки логике — на любви и страсти. Поэтому он спокойно относился к критикам, которые утверждали,

[...] что Самозванец не должен был так неосторожно открыть тайну свою Марине, что это с его стороны очень ветрено и неблагоприятно — и тому подобные критические замечания...⁶.

С большим интересом Пушкин относился к проблеме имени вообще и имени в художественном произведении. В критической статье *Торжество дружбы, или Оправданный Александр Анфимович Орлов*, опубликованной под псевдонимом Феофилакт Косичкин, он анализировал:

Г-н Булгарин наказует лица разными затейливыми именами: убийца назван у него Ножовым, взяточник — Взяткиным, дурак — Глаздуриным и проч. Историческая точность одна не позволила ему назвать Бориса Году-

⁴ Там же, т. 7, с. 520.

⁵ Т. В. Дадьянова, А. Н. Редькина, *Марина Мнишек — геополитическая марионетка (польская трагическая героиня на подмостках русской истории, «Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны» 2018, №2, с. 305.*

⁶ Из письма Пушкина П. А. Плетневу, 1831 г. А. С. Пушкин, *Полное собрание сочинений в 19 т.*, т. 14, с. 412.

МАРИНА МНИШЕК...

нова — Хлопоухиным, Димитрия Самозванца — Каторжниковым, а Марину Мнишек — княжною Шлюхиною; зато и лица сии представлены несколько бледно⁷.

Кстати, Фаддей (Тадеуш) Булгарин был поляком из перебежчиков.

Когда Пушкин писал *Бориса Годунова*, он в сюжете опирался на фрагменты из *Истории государства Российского*, о чем справедливо писал польский исследователь Богуслав Муха:

Нужно помнить, что в портрете Мнишек у Пушкина внедрились его образные ассоциации, связанные с национальным характером польки, неизбежно смыкающиеся с мнениями современных установившихся в памятниках, литературных произведениях, а также пониманием этого российским обществом⁸.

Однако, изображая Марину Мнишек, уже как лирическую и романтическую героиню, он все-таки писал ее по живому портрету другой женщины, овладевшей его сердцем, — знаменитой польской красавицы и сердцеядки — Каролины Собаньской⁹. Действительно, вряд ли Пушкин ранее видел портреты Марины Мнишек, хранившиеся в Петербурге и Москве, — ему достаточно было перенести все женские прелести живой Каролины Собаньской на создаваемый образ самозванки. Это подтверждается еще и тем, что фамилию Собаньский Пушкин сумел задействовать в *Борисе Годунове*: «Собаньский, шляхтич вольный». Кроме того, в первоначальной редакции драмы была сцена под названием «Уборная Марины», в которой происходил диалог Марины со служанкой по имени *Рузя* (по-польски — *Róża*):

Марина.

Он точно царский сын и признан целым светом.

Рузя.

А всё ж он был прошедшею зимой
У Вишневецкого слугой.

Марина.

Скрывался он.

⁷ А. С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 6. Книжный Клуб Книговек, Москва 2014, с. 78.

⁸ В. Mucha, *Samozwająca carowa Maryna Mniszchówna w ocenie Aleksandra Puszkina (Komentarz historyczny do Borysa Godunowa)*, «Slavia Orientalis» 1988, t. XXXVII, № 3, с. 531–532. Пер. мой — Г.К.

⁹ Там же, с. 28–37.

Рузя.

Не спорю я об этом –
А только знаете ли вы,
Что говорят о нем в народе?
Что будто он дьячок, бежавший из Москвы,
Известный плут в своем приходе¹⁰.

А ведь имя для этой служанки поэт взял у той же Каролины (это ее второе имя — *Розалия*). Служанка нашептывала ей, что Дмитрий не царевич, а самозванец. Такой ход ослаблял образ Марины, получалось, что ее объяснение с Дмитрием спровоцировано служанкой. Поэтому в окончательном варианте этот диалог был отринут, а в окончательном тексте Марина уже говорит и действует вполне самостоятельно.

Естественно, что в Каролину были влюблены и посвящали стихи и Александр Пушкин, и Адам Мицкевич. Да, это была Каролина-Розалия-Текла Адамовна Собаньская (1794–1885) — дочь графа Адама Станислава Ржевуского, предводителя дворянства Киевской губернии, ставшего впоследствии сенатором, и Юстины Рдултовской, происходившей из старинного рода, старшая сестра Эвелины Ганской (второй жены Оноре де Бальзака), жена подольского помещика Иеронима Собаньского.

Пушкин впервые познакомился с ней в Кишиневе в доме губернатора Ивана Я. Бухарина 2 февраля 1821 года. И сразу же в рукописи поэмы *Кавказский пленник* появились ее портреты. Затем он часто посещал ее в Одессе. А 5 января 1830 года, уже в Петербурге, Пушкин записал в альбом Собаньской посвящение «Что в имени тебе моем...».

О влюбленности Пушкина говорят строки из его письма Каролине (2 февраля 1830 года):

Сегодня 9-я годовщина дня, когда я вас увидел в первый раз. Этот день был решающим в моей жизни. Чем более я об этом думаю, тем более убеждаюсь, что мое существование неразрывно связано с вашим; я рожден, чтобы любить вас и следовать за вами — всякая другая забота с моей стороны — заблуждение или безрассудство; вдали от вас меня лишь грызет мысль о счастье, которым я не сумел насытиться¹¹.

Пушкин угаивал от всех и даже от себя имя Каролины. В одном письме, тоже написанном в тот же день, он упоминает лишь «С.», в другом — называет ее Элеонорой (Элленорой):

¹⁰ А. С. Пушкин, *Собр. соч. в 10 т.*, т. 4..., с. 503.

¹¹ Там же, т. 9, с. 503.

Дорогая Эллена, позвольте мне называть вас этим именем, напоминающим мне и жгучие чтения моих юных лет, и нежный призрак, прельщавший меня тогда, и ваше собственное существование, такое жестокое и бурное... Дорогая Эллеонора, вы знаете, я испытал на себе все ваше могущество. Вам обязан я тем, что познал все, что есть самого судорожного и мучительного в любовном опьянении, и все, что есть в нем самого ошеломляющего. От всего этого у меня осталась лишь слабость выздоравливающего, одна привязанность, очень нежная, очень искренняя — и немного робости, которую я не могу побороть.

А вы, между тем, по-прежнему, прекрасны, так же, как и в день переправы или же на крестинах, когда ваши пальцы коснулись моего лба. Это прикосновение я чувствую до сих пор — прохладное, влажное. Оно обратило меня в католика¹².

Каролина Собаньска была на пять лет старше Пушкина. Но в жизни поэта была и еще одна полька, очень близкая Пушкину, еще старше. В ссылке в Михайловском Пушкин познакомился с семьей Вульф-Осиповых. Главой многочисленного семейства Вульф-Осиповых (сын и шесть дочерей!) была хозяйка Тригорского, вдова и Вульфа, и Осипова — Прасковья Александровна Осипова (1781–1859, урожденная Вындомская, точнее, как ранее был записан ее отец — Вымдонской). И вот как описывает Вульф-Осипову в пору ее первого замужества Анна Петровна Керн: «Это была замечательная пара. Муж нянчился с детьми, варил в шлафроке варенье, а жена гоняла на корде лошадей или читала Римскую историю...»¹³.

Впрочем, и так любимая в Одессе Пушкиным Елизавета К. Воронцова (1792–1880), тоже полька, урожденная графиня Браницкая, была на семь лет старше поэта.

А ведь было и... В 1817–1818 годы в Санкт-Петербурге и Царском Селе Александр Пушкин так и не смог пройти мимо статс-дамы графини Софьи Потоцкой и двух её красавиц-дочерей, Софьи и Ольги. Пушкин, только что закончивший Царскосельский лицей, увлекается Софией-младшей, но безответно. Затем в Новороссии навещает Потоцких, где сестры якобы рассказали ему легенду о Марии Потоцкой, жившей в ханском гареме и убитой из-за ревности, и о «Фонтане слез», построенном в ее честь в Бахчисарайском дворце. Вдохновленный, Пушкин пишет поэму *Бахчисарайский фонтан*. Еще раньше он пишет посвящен-

¹² Там же, с. 308.

¹³ А. П. Керн, *Воспоминания. Дневники. Переписка*, Художественная литература, Москва 1974, с. 102.

ное Ольге Потоцкой стихотворение *Черная шаль*, ставшее любимым романсом гусар. Существует даже версия, что семейная линия в романе *Евгений Онегин* списана с семейства Потоцких (с чем мы не можем согласиться¹⁴). Александр Пушкин, по его собственному признанию, в присутствии Софии-младшей испытывал «любовный бред». К сожалению, на остальное у поэта времени не хватило.

Отсюда видно, что для изображения характерной польки у Пушкина было накоплено довольно много разнообразного жизненного, а главное, чувственного материала.

В эпоху Пушкина из двух вариантов, обозначающих представительницу польского народа (*полька* и *полячка*), более популярен был *полячка*, поскольку этот дериват логично и в полном соответствии с русским словообразованием как бы продолжал этноним *поляк*. Соответственно и у Пушкина предпочтение отдаётся варианту *полячка*:

Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою *полячкой* унижаться (*Борис Годунов*).

Так же пишет и Петр А. Вяземский, который, хотя и сам бывал в Польше, и довольно сносно понимал польскую речь, все же употреблял не польское *полька*, а русское *полячка*:

Жена иль дочка комиссаржа
Полячка, — словом все сказал:
Тут и портрет и мадригал (*Станция*, 1825).

И редкий случай, когда в письме Пушкин употребил вариант, принятый в польском языке для обозначения женщины польского происхождения — *полька*. В письме Вяземскому (около 7 ноября 1825 г. Из Михайловского в Москву) по поводу окончания драмы *Борис Годунов* он писал: «На Марину у тебя <встанет> — ибо она *полька*, и собою преизрядна (вроде Катерины Орловой, сказывал это я тебе?)». Пушкин, видимо, в угоду исторической правде и нормам обыденного языка в художественных произведениях использовал этноним *полячка*, а в кругу людей образованных, имевших довольно частые контакты с многочис-

¹⁴ См. Г. Ф. Ковалев, *Пушкин. Ономастический комментарий*, Научная книга, Воронеж 2012, с. 77–98.

ленной польской колонией Петербурга, употреблял этноним *полька*.

Еще одно свидетельство современника:

В то время была еще другая невеста в Тифлисе, славящаяся своею красотою, искусством петь и танцевать, недавно прибывшая с отцом своим, *полька* Александрина Перфильева, 53)¹⁵.

Но, оказывается, что и друг Пушкина — Иван Пущин — вспоминал, пожалуй, о первой *польке*, с которой началась роковое влечение поэта к польским женщинам:

«Случалось, — вспоминал Жанно, — зайдет он ко мне. Вместо: «Здравствуй» я его спрашиваю: «от нее ко мне, или от меня к ней?» Уж и это надо вам объяснить, если пустился болтать. В моем соседстве, на Мойке, жила Анжелика — прелесть полька!¹⁶

Это была Анжелика Дембиньска, полька, она работала билетером в передвижном зверинце. Любовь поэта была недолгой (с середины августа до середины декабря 1818 г.), однако Александр Пушкин уже в 19 лет стал отцом мальчика, которого отдали на воспитание. Любовь была глубокой и страстной, вплоть до рождения ею ребенка от Пушкина в конце лета 1818 г.

В связи с сюжетом *Бахчисарайского фонтана* интересно свидетельство Никиты М. Муравьева-Апостола об историческом прототипе — грузинке, жене хана Керим-Гирея:

Странно очень, что все здешние жители непременно хотят, чтобы эта красавица была не грузинка, а *полячка*, именно какая-то Потоцкая, будто бы похищенная Керим-Гиреем. Сколько я ни спорил с ними, сколько ни уверял их, что предание сие не имеет никакого исторического основания и что во второй половине XVIII века не так легко было татарам похищать *полячек*, — все доводы мои оставались бесполезными¹⁷.

Ясно, что для Пушкина второй, польский вариант этнонима героини был гораздо интереснее и ближе.

¹⁵ Н. Н. Муравьев-Карский, Из «Записок» // А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников, ред. В. Э. Вацуру, Москва 1980, с. 53.

¹⁶ И. И. Пущин, Записки о Пушкине // А. С. Пушкин в воспоминаниях современников, ред. В. Э. Вацуру, т. 1, Художественная литература, Москва 1985, с. 92.

¹⁷ Н. М. Муравьев-Апостол, Путешествие по Тавриде в 1820 г., Типография при Особенной канцелярии Министерства внутренних дел, Санкт-Петербург 1823, с. 118–119.

Грамотно употреблял этот феминный польский этноним критик Виссарион Г. Белинский в своих *Основаниях русской грамматики* (1834–1837 гг.). Анализируя русские словообразовательные типы, он писал: «Из этого правила исключаются очень немногие, подобно следующим: *полякъ — полька* [...]»¹⁸. Дело в том, что этноним *Polka* сформировался не на базе этнонима *Polak*, как это может понять русский человек, а параллельно с этнонимом *Polak* от прилагательного и хоронима *polski/Polka*. Кстати, Владимир Набоков, комментируя пушкинское «красотки молодые», писал:

В беловых рукописях Пушкин колебался между «красотками» и «гетерами», или, как их отвратительно именовали тогда в Лондоне, «кипридами». По-русски приличного названия для этих девушек (многие из которых были из Риги или Варшавы) не существовало»¹⁹.

Поэтому понятно, что в пушкинское время этноним *полька* имел еще и дополнительное, весьма определенное значение. И даже век спустя это слово в России несло определенную дозу эротического мифологизма.

Эмма Герштейн описывала такую ситуацию с Осипом Э. Мандельштамом:

На одной площадке с Мандельштамами занимал квартиру писатель, у которого жила молодая домработница-*полька*. Подымаясь вместе с ней по лестнице, Осип Эмилевич уже не впервые разглядывал ее породистую красоту. Потом лежал на кровати, размышляя и торжественно подымая вверх указательный палец, говорил: «Это неспроста!» Он предполагал, что она вовсе не домработница и тут скрывается какая-то романтическая или политическая история²⁰.

Сравните, в стихотворении Мандельштама:

Девчонка, выскочка, гордячка,
Чей звук широк, как Енисей, —
Утешь меня игрой своей:
На голове твоей, полячка,

¹⁸ В. Г. Белинский, *Полное собрание сочинений*, т. II, Издательство АН СССР, Москва 1953, с. 620.

¹⁹ В. В. Набоков, *Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин»*, Искусство-СПб, Набоковский фонд, Санкт-Петербург 1998.

²⁰ Э. Г. Герштейн, *Мемуары*, ИНАПРЕСС, Санкт-Петербург 1998, с. 45.

МАРИНА МНИШЕК...

Марины Мнишек холм кудрей,
Смычок твой мнителен, скрипачка
 *За Паганини длиннопальым 1935 г.*²¹

А вот восприятие польки Игорем Северяниным:

Так вот что значит школа бед! Подумать только!
Тот говорит: «Ты, точно прошлое, легка...»
Другой вздыхает: «Грациозна, словно полька...»
И лишь один молчит — один из сорока
 *Сорока, 1929 г.*²²

Но Пушкин — мужчина, его можно понять. А ведь и Марина Цветаева была тоже влюблена в образ Марины Мнишек... Правда, она объясняла это тем, что она оказалась тезкой знаменитой польки, да еще примесью польской крови в своей родословной.

Некоторые черты характера и привычки сама Цветаева приписывает польской крови: «Пристрастие мое к Шопену объясняется моей польской кровью, воспоминаниями детства и любовью к нему Жорж Санд»²³.

В *Повести о Сонечке* она очень тонко подчеркивает манеры, по которым определяется польская кровь:

Вы мне тогда, у Зои Борисовны, напомнили польскую панночку: на вас была такая (беспомощно) — курточка, что ли? Дымчатая, бархатная, с опушкой. Словом, кунтуш? И посадка головы — немножко назад. И взгляд — немножко сверху. Я сразу в вас почувствовал — польскую кровь²⁴.

Трогательно Марина Ивановна описывает польский крой платья из ткани, которая досталась ей по наследству:

И за первым, осевшим, коричневым, фаевым — прабабушки графини Ледоховской — прабабушкой графиней Ледоховской — несшитым, ее дочерью — моей бабушкой — Марией Лукиничной Бернацкой — несшитым, ее дочерью — моей матерью — Марией Александровной Мейн — несшитым,

²¹ О. Мандельштам, *Собрание сочинений в 4 т.*, т. 3, Арт-Бизнес-Центр, Москва 1994, с. 86–87.

²² И. Северянин, *Громокипящий кубок. Ананасы в шампанском. Соловей. Классические розы*, Наука, Москва 2004, с. 311–312.

²³ М. И. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 6, Эллис Лак, Москва 1994–1995, с. 342.

²⁴ Там же, т. 4, с. 343.

сшитым правнучкой — первой Мариной в нашем польском роду — мною, моим, семь лет назад, девичеством, но по крою — прабабушки: лиф как мыс, а юбка, как море [...] застегивает на все подробности его двенадцати пуговок обтяжной лиф, расправляет, оправляет мельчайшие сборки пояса, провожает их рукой до огромных волн подола...²⁵.

Старое фото. Мария Лукинична Бернацкая в молодости

Цветаева хорошо знала историю польского народа. Одно из своих произведений она посвящает Марине Мнишек, а в тетрадях от 16 июня 1918 г. сделана запись, что в Польше есть почетная должность сторожа могилы.

К восприятию романтико-трагической судьбы Марины Мнишек у Цветаевой прибавился еще возвращенный поэтом именной миф. Вначале этот миф исходил от этимологии имени: Марина — морская. Гимном этому имени звучит ее стихотворение *Кто создан из камня, кто создан из глины* (23 мая 1920):

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — брэнная пена морская²⁶.

Этимологизация собственного имени сквозит и в фрагменте из цикла стихотворений *Бабушка*» (23 апр. 1919 г.):

Маринушка, Маринушка,
Марина — синь моря!²⁷

Цветаева посвятила судьбе Марины Мнишек большое стихотворение (*Марина (Димитрий! Марина! 29–30 марта 1916)*), в котором эта «авантюристка» прославляется:

²⁵ Там же, с. 381–382.

²⁶ <https://rustih.ru/marina-cvetaeva-kto-sozdan-iz-kamnya-kto-sozdan-iz-gliny/> (2.12.2022).

²⁷ <https://cvetaeva.su/babushke> (2.12.2022).

МАРИНА МНИШЕК...

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя пою,
Злую красу твою,
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя —
Славно ношу

Правят моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звезд²⁸.

Имена обеих Марин прочно связались в поэтическом *credo* Цветаевой. Описывая вдохновение от московского пейзажа, фиксируемого поэтом в именах (Спас на Бору, Нечаянная Радость, фабрика Эйнем, Храм Христа, памятник Александру III — Царю-Миротворцу, Царю-Освободителю), она говорит: «И в ответ, вдохнов^{<енный>} и бессвяз^{<ный>} лепет о Марине: Марине — мне, Марине Ц^{<ветаевой>}, Марине Мнишек»²⁹.

О серьезности отношения Цветаевой к своей польской тезке свидетельствует такая запись, сделанная еще в 1921 г., в которой поэт оправдывает действия своей тезки: «Чего искала Марина Мнишек?.. Власти несомненно, но — какой? Законной или незаконной? [...] С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я писала ее историю...» И завершила эту мысль Цветаева только в 1932 г., вписав: «[...] то написала бы себя, то есть не честолюбницу и не любовницу: себя — любящую и себя — мать. А скорее всего: себя поэта»³⁰.

Поэтому уже в позднейшем цикле первичный романтизм у поэта утратился. Теперь Марина-мать, Марина-супруга имела право сказать о своем кумире:

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты — гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна

²⁸ https://ru.wikisource.org/wiki/Димитрий!_Марина!_В_мире (2.12.2022).

²⁹ М. Цветаева, *Неизданные записные книжки*. В 2-х т., т. 2, Эллис Лак, Москва 2001, с. 273.

³⁰ М. И. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 т.*, т. 4, Эллис Лак, Москва 1995, с. 593.

В гулкий оконный пролет
 Ты гордецу своему
 Не махнувшая следом.
 На роковой площади
 От оплеух и плевков
 Ты гордеца своего
 Не покрывшая телом.
 В маске дурацкой лежал,
 С дудкой кровавой во рту,
 — Ты, гордецу своему
 Не отершая пота...
 Своекорыстная кровь! —
 Проклята, проклята будь
 Ты — Лжедмитрию смогшая быть Лжемариной!
*Марина, 28 апреля 1921*³¹

Образы Марины Мнишек и Марины Цветаевой вполне естественно слились у великой Анны А. Ахматовой в единый:

Невидимка, двойник, пересмешник,
 Что ты прячешься в черных кустах,
 То забьешься в дырявый скворечник,
 То мелькнешь на погибших крестах,
 То кричишь из Маринкиной башни [...]
 «Я сегодня вернулась домой...» («Поздний ответ»)³²

Еще 4 мая 1914 г. Цветаева в своей записной книжке отмечает: «Если у меня будет еще дочь, я назову ее Мариной, или Зинаидой, или Татьяной. Если сын — Глебом, или Алексеем»³³. Позже, когда была беременна второй дочерью, она хотела сыну дать имя, парное Марине Мнишек: «Если бы у меня родился сын, я бы назвала его — Димитрий, а уменьшительное сделала бы — «Лже»³⁴.

Ариадна Чернова-Сосинская, знакомая Цветаевой по Чехословакии, писала:

И так уж повелось: Марина Цветаева, или часто просто Марина, без фамилии. Цветаева любила свое имя, редкое в ее поколении. Ее всегда занимало значение имен, и собственное имя ей напоминало не святцы, а гордую полячку (Марину Мнишек)³⁵.

³¹ <https://poemus.ru/marina-tsvetaeva/trem-samozvantsam-zhena> (2.12.2022).

³² https://vk.com/topic-148309_21692304 (2.12.2022).

³³ М. Цветаева, *Неизданные записные книжки...*, т. 1, с. 58.

³⁴ Там же, с. 154.

³⁵ А. Чернова-Сосинская, *В одном доме «на Смихове» // Воспоминания о Марине Цветаевой*, сост. Л. Мнухин, Л. Турчинский, Советский писатель, Москва 1992, с. 299.

Тотемное отношение к Марине Мнишек у Цветаевой, конечно же, шло и от имени, и от польских кровей (прапрадед Александр Бернацкий и прабабушка по материнской линии — графиня Мария Ледуховская). К этому же польскому роду принадлежала и бабушка (по матери) Мария Лукинична Бернацкая, о которой Цветаева писала: «От М.Л. Бернацкой <у меня> польский нос и мятеж»³⁶.

Правда, она находила свое сходство и с портретом прабабки: «О встрече с собой, живой — на портрете моей польской прабабки Гр<афини> Ледуховской — когда-нибудь расскажу. Сходство — до жути!»³⁷.

* * *

Многие русские поэты и писатели просто не могли обойти тему красоты польской женщины не только в своих произведениях, но и в письмах, обыденной жизни. Вот замечание Антона П. Чехова в аналогичной с пушкинской ситуации: «Барышень чёртова пропасть: белобрысые, черноморденькие, гречанки, русские, польки...»³⁸. Но восприятие Чеховым Марины Мнишек было весьма оригинально. В письме к националистически настроенному Александру С. Суворину (25 ноября 1889 г.) он отмечал:

Напрасно Вы бросили Марину Мнишек; из всех исторических б <...> она едва ли не самая колоритная. А что касается ее отношения ко всему русскому, то ведь на это начхать можно. Русские сами по себе, а она сама по себе, да и слишком она баба и мелка, чтобы придавать значение ее воззрениям³⁹.

Тем не менее, Чехов тоже старался правильно употреблять феминный этноним поляков: «Прибегаю к любезности хирурга, имевшего связь с англичанкой и двумя роскошными польками»⁴⁰.

Свой вклад в русскую «Мнишкиану» внес и Максимилиан Волошин. В стихотворении *Dmetrius-Imperator* он тоже пишет

³⁶ М. Цветаева, *Неизданные записные книжки*, т. 2, Эллис Лак, Москва 2001, т.2, с. 419.

³⁷ М. И. Цветаева, *Собрание сочинений в 7 т...*, т. 7, с. 244.

³⁸ А. П. Чехов, *Полное собрание сочинений и писем в 30 т.*, т. 3: *Письма*, Наука, Москва 1976, с. 58.

³⁹ Там же, с. 291.

⁴⁰ Там же, с. 293. Письмо П. Г. Розанову от 22 июля 1884 г.

о Марине Мнишек, причем, передавая текст как бы от имени Самозванца, и потому, прямо не указывая на этничность своей героини:

На московском венчаный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной — с лебедью — с Мариной
Я — живой и мертвый, но единый —
Обручался заклётым кольцом....

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу — безглавый —
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой
И, кружась по-над Москвою, в гнев
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию — на Яик, —
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки
(19 декабря 1917, Коктебель)⁴¹.

REFERENCES

- Belinskiy, Vissarion Grigor'yevich. *Polnoye sobraniye sochineniy*. T. 2. *Stat'i i retsenzii. Osnovaniya russkoy grammatiki. 1836–1838*. Moskva: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1953 [Белинский, Виссарион Григорьевич. *Полное собрание сочинений*. Т. 2. *Статьи и рецензии. Основания русской грамматики. 1836–1838*. Москва: Издательство Академии Наук СССР, 1953].
- Chekhov, Anton Pavlovich. "Pis'mo Chekhovym ot 7 apr. 1887 g." *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem. Pis'ma*. T. 2. Moskva: Nauka 1974 [Чехов, Антон Павлович. "Письмо Чеховым от 7 апр. 1887 г." *Полное собрание сочинений и писем. Письма*. Т. 2. Москва: Наука 1974].
- Dadianova, Tamara Vladimirovna, and Red'kina, Anastasiya Nikolayevna. "Marina Mnishek — geopoliticheskaya marionetka (pol'skaya tragicheskaya geroinya na podmostkakh russkoy istorii)." *Vestnik Yaroslavskogo vysshego voyennogo*

⁴¹ <https://pishi-stihi.ru/dmetrius-imperator-voloshin.html> (2.12.2022).

МАРИНА МНИШЕК...

- uchilishcha protivovozdushnoy oborony* 2018, no. 2: 305–311. [Дадьянова, Тамара Владимировна, и Редькина, Анастасия Николаевна. “Марина Мнишек — геополитическая марионетка (польская трагическая героиня на подмостках русской истории)” *Вестник Ярославского высшего военного училища противовоздушной обороны* 2018, № 2: 305–311].
- Kern, Anna Petrovna. *Vospominaniya. Dnevnik. Perepiska*. Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1974. [Керн, Анна Петровна. *Воспоминания. Дневники. Переписка*. Москва: Художественная литература, 1974].
- Kovalev, Gennadiy Filippovich. *Pushkin. Onomasticheskiy kommentariy*. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2012 [Ковалев, Геннадий Филиппович. *Пушкин. Ономастический комментарий*. Воронеж: Научная книга, 2012].
- Mucha, Bogusław. “Aleksander Puszkina i Karolina Sobańska.” *Przegląd Rusycystyczny* 1987, no. 10 (3–4): 21–37.
- Mucha, Bogusław. “Samozwancza carowa Maryna Mniszchowna w ocenie Aleksandra Puszkina (Komentarz historyczny do Borysa Godunowa).” *Slavia Orientalis* 1988, T. 37, no. 4: 529–536.
- Murav'yev-Apostol, Ivan Matveyevich. *Puteshestviye po Tavride v 1820 g.* Sankt Peterburg: pechatano v Tipografii, sostoyashchey pri Osobennyokantselyarii Ministerstva Vnutrennikh Del, 1823 [Муравьев-Апостол, Иван Матвеевич. *Путешествие по Тавриде в 1820 г.* Санкт Петербург: печатано в Типографии, состоящей при особенной Канцелярии Министерства Внутренних Дел, 1823].
- Murav'yev-Karskiy, Nikolay Nikolayevich. “Iz ‘Zapisok’ A. S. Griboyedov vospominaniyakh sovremennikov.” Moskva: Khudozhestvennaya literatura, 1980 [Муравьев-Карский, Николай Николаевич. “Из ‘Записок’ А. С. Грибоедов в воспоминаниях современников.” Москва: Художественная литература, 1980].
- Pushkin, Aleksandr Sergeyeovich. *Sobraniye sochineniy v 10 tomakh*. Moskva: GIKHL, 1959–1962 [Пушкин, Александр Сергеевич. *Собрание сочинений в 10 томах*. Москва: ГИХЛ, 1959–1962].
- Smirnova-Rosset, Aleksandra Osipovna. *Zapiski*. Moskva: Moskovskiy rabochiy, NPK “Intelvak”, 1999 [Смирнова-Россет, Александра Осиповна. *Записки*. Москва: Московский рабочий, НПК “Интелвак”, 1999].
- Tsvetaeva, Marina Ivanovna. *Sobraniye sochineniy v 7 t.* Moskva: Ellis Lak, 1994–1995 [Цветаева, Марина Ивановна. *Собрание сочинений в 7 т.* Москва: Эллис Лак, 1994–1995].
- Tsvetaeva, Marina Ivanovna. *Neizdannoye. Zapisnyye knizhki. V 2 tomakh*. T. 2. Moskva: Ellis Lak, 2001 [Цветаева, Марина Ивановна. *Неизданное. Записные книжки. В 2 томах*. Т. 2. Москва: Эллис Лак, 2001].